

КОНСТАНТИН Сокольский... Это имя хорошо известно нескольким поколениям, любящим и ценящим русское эстрадное искусство 30-х годов. Время безжалостно к патефонным пластинкам тех лет, они давно стали редкостью, но, несмотря на это, любовь к исполнительскому мастерству признанного эстрадного певца, его песням продолжает жить. Учитывая этот неослабевающий интерес, фирма «Мелодия» два года назад впервые выпустила большой диск избранных песен артиста, который был тепло принят его давними поклонниками и молодыми ценителями прошлого русской эстрады.

Кнопку звонка его рижской квартиры нажимаю с душевным трепетом. Еще бы, ведь он — песенный кумир нашей послевоенной юности. Его песни-танго пользовались безраздельной любовью, одинаково сильно волнующая, тревожа и трогая как сердца сверстников, так и старших. Каким будет свидание с юностью, совпадет ли воображаемый образ одного из «королей» грамзаписи с тем, который сейчас увижу?

Дверь распахивается и... Высокий, седовласый, с волевым славянским лицом, энергичным голосом и могучей грудной клеткой — Константин Сокольский великоколен в свои 83 года! Спеша повесить мокрую куртку, ловлю себя на том, что с трудом дотянусь до полки вешалки, где лежит шляпа хозяина, успеваю заметить, что он элегантен в домашнем одеянии, движения его изящны, а походка по-спортивному легка и упруга.

Начало 50-х... Для нас, мальчишек воронежской окраины, это было время голубей, трофейных фильмов, танцплощадок и «пленок» — гибких кустарных грампластинок на желтоватой рентгеновской фотопленке, копирующих записи грампластинок зарубежных фирм. Пластинки появились с возвращением фронтовиков из стран Европы, а отсюда разлетались неограниченными тиражами их гибкие копии — было неведомо.

«Эпидемия» «пленок» была всеобщей. Они царствовали среди грамзаписей, и владельцы стареньких патефонов, новеньких радиол, усилителей — «колокольчиков», любя доверенные записи. Руслановой, Шульженко, Изабеллы Юрьевой, Вадима Козина и Утесова, считали «пленки» украшением своих коллекций и ценили их предельно высоко.

То ли потому, что «пленки» были копиями чужеземных пластинок, то ли потому, что это был продукт подпольного бизнеса (к тому же по словесному, смысловому и музыкальному звучанию являли основательную противоположность однообразным музыкальным программам радио и немногочисленным пластинкам тех лет), они то устно, то печатно объявлялись чуждыми нашей молодежи, времени и эпохе.

Запреты лишь усиливали наше противодействие, увеличивали самозабвенную любовь к отверженным детям послевоенной культуры, и, незаконнорожденные и грешные, хулимые и гонимые, они продолжали быть верными спутниками нашей юности.

С 1956 года прекратилось упоминание о «пленках» как упаднических и враждебных, однако легальными, они так и не стали. А пока...

С «пленок» в сопровождении великолепнейших оркестров звучали два завораживающих голоса, которые порой на заезженных, охрипших от патефонных игловок звуковых дорожках мы не могли отличить друг от друга.

Петр Лещенко и Константин Сокольский... Без их песен невозможно воссоздать характерные черты 50-х годов, нашего поколения, его облик, жизнь, нравы, душу.

Особенно притягателен был сладостный плен их чудесных танго. Казалось бы, те мелодии и слова — для людей пожилых, тех, кому есть что вспомнить, о чем сожалеть. А я и друзья мои были окраинными подростками, которым, кроме суровых дней эвакуации, и вспомнить-то было нечего.

Оно было всегда грустное, танго. Порой тревожное и даже трагичное. Его изящные мелодии нежные, взволнованные и мечтательные. Колдовские, замедленные ритмы этих светлых песен действовали на нас наркотически. Но все же почему, почему наши ребячьи души трогали неведомые нам разлуки и расставания, без-

ответная любовь, уходящая жизнь, отцветающая природа? Почему так пронзительна была необычайная сила воздействия танго, его пленительная власть над нами? Почему до сих пор для нас не тускнеют «Черные глаза» и «Голубые глаза», знаменитая «Татьяна» и «Дымок от папиросы», «Журавли» и «До встречи с вами»?

Откинувшись в кресле, Константин Тарасович добродушно слушает меня, и его глаза искрятся веселым любопытством.

— Сколько песен я спел? Этого не знает никто. Даже я. Довоенные слушатели были требовательными. Репертуар порой приходилось менять ежедневно.

Где родился? Я русский, сын витебского крестьянина. Мой отец выезжал на приработки в Петербург. Там женился, там и я родился. Вскоре отец вернулся в деревню, а позже, после революции, часть Витебской губернии была отрезана в пользу буржуазной Латвии. Так я стал «латышом». Рига — моя вторая родина.

Острую потребность в пении почувствовал еще мальчишкой.

Крепко выгляжу? Сказывается заплата молодости. Ведь я не изнеженным херувимом в смокинге пришел на сцену, судьба не баловала меня. Моя доэстрадная профессия — грузчик, чем очень горжусь.

...Он вошел в артистический мир Риги, в одном из кинотеатров дебютировал в программах дивертисментов. Пел русские и цыганские песни, романсы, песни тюрьмы и каторги, выходил на сцену в характерных костюмах — одежды Пьеро, рубище бродяги с настоящими кандалами на руках. Проба голоса была удачна — подкупали доверительная манера общения со слушателями, продуманный репертуар, теплый, гибкий голос, эффектная артистичная внешность. В 1931 году его услышало зарубежье, куда он выехал в составе театра миниатюр «Бонзо». Талант исполнителя русских песен привлек внимание прессы, музыкальных профессионалов, западных импресарио, и через два года Сокольский уже выступает с сольными концертами. Ему аплодируют поклонники русских песен в Чехословакии, Румынии, Югославии, Венгрии, Австрии, крупнейшие европейские фирмы грамзаписи делают выгодные предложения.

Слушая Константина Тарасовича, я начинаю улавливать в его речи знакомый замедленный музыкальный ритм и в который раз спрашиваю себя — в чем же тайна пленительной власти танго, обаяния этого вкрадчивого, обворожительно грустного голоса?

— Искусству песни я учился у тех, кто волновал мою душу и ум, и о каждом храму благословенную память. Я был первым исполнителем многих танго моего друга-рижанина Оскара Строка и Марка Марьяновского, чьи «Черные глаза» и «Татьяна» облетели весь мир. Мелодии их близки русским народным песням, в них, как и в русских цыганских романсах, наиболее щедро раскрывалась русская душа. Простенькие стихи тут не помеха — язык сердца всегда примитивен. Учителем, лучшие танго писали не дилетанты — они и Стравинского знали, и Чайковского любили, и оперы Вагнера слышали. И, конечно, были убеждены, что любовь всегда соединена с грустью, целительной и животворной. — улыбаясь, говорит Константин Тарасович, и я вижу, как в его глазах начинают плясать синие веселые искры.

— Со мной концертировали лучшие музыканты Латвии, обладавшие высочайшим мастерством, но я никогда не чувствовал себя придатком этих блистательных исполнителей танго. Мой голос помогал им расшифровать то, что звучало в

К. СОКОЛЬСКИЙ. 1935 г.

ПЛЕНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ТАНГО

музыке, оркестр усиливал мою трактовку песни, помогал найти ее «нрав», повести слушателей за моим настроением.

В 1931 году Оскар Строк познакомил меня с Н. В. Плевацкой, которой он аккомпанировал в рижских концертах. Блистательная русская певица обладала идеальной способностью постигать душу песни. Она принесла на сцену песни русской деревни и старины, и они, как «живая вода», заставили засверкать репертуар эстрады драгоценными нетленными красками.

Надежда Васильевна несколько раз присутствовала на моих выступлениях. Беседы с этой обаятельной женщиной не тускнели живут в моей памяти.

В Румынии меня пригласила в свою театральную труппу Е. А. Полевика — создательница незабываемой галереи женских образов. Тонкий психолог, она умела видеть глубоко драматическое в сентиментальном, нравственную чистоту — в вульгарном, характерное — в неприглядном. Сценическая выразительность ее была такова, что порой ей не требовались слова.

Щедрым даром судьбы была встреча с Ф. И. Шаляпиным в начале 1937 года в Бухаресте. Выступал он в концертном зале «Эфоре Вокс». Что-то не нравилось ему в оформлении сцены, он заметно нервничал, раздраженно постукивал ладонью по крышке рояля, поправляя аккомпаниатора. Когда меня представили великому артисту, он проворно и уверенно сказал: «Мне дорог каждый певец, который здесь пропагандирует и утверждает русское искусство». Он был духовным представителем России и нередко людей зарубежья оценивал по степени расположения к русскому народу, искусству. Надо было слышать с какой гордостью он говорил: «Я — русский человек!»

На банкете в его честь я смотрел на величавый профиль этого жизнерадостного человека, олицетворяющего духовное здоровье и богатырскую мощь мудрого народа России, и невольно ловил себя на мысли — такого артиста не было и не будет...

Банкет состоялся в ресторане Петра Лещенко, и кто-то не преминул спросить у Шаляпина: «Как вы оцениваете Лещенко?» Федор Иванович посерьезнел, помолчал и, подумав, ответил: «Поет глупенькие песенки, но поет очень хорошо».

Петр был моим другом. Жил в Румынии. Ни эмигрантом, ни белогвардейцем никогда не был — это досужие выдумки. Голос его был божьим даром. Расстались мы с ним перед войной... — Сокольский умолкает.

Мы смотрим на снимок военных лет, где на бухарестской улочке, вероятно, после концерта, в обнимку с нашими солдатами, молодыми, веселыми (близка победа!), улыбается Петр Лещенко.

— Знал я и Александра Вертинского. Человек редкого сочетания дарований — талантливый певец, великолепный актер, одаренный поэт и композитор, он неотразимо воздействовал на слушателей. Феномен Вертинского прежде всего в исключительном мастерстве изображения того, что он пел, в глубоком психологизме его пения-игры. О его «поющих» руках можно написать целое исследование. Талант этого уникального мастера эстрады недостижим и неповторим, и я утверждаю, что А. Н. Вертинский — это гордость русской концертной эстрады.

Памятна встреча с ним в Берлине в

1935 году. Еще были живы воспоминания о том, что румынская сигуранца, обвинив его в «большевизме», в прямом смысле слова «вышибла» его из Бессарабии за исполнение песни «В степи молдавской», где он сожалел о добровольно покинутой, но всегда милой сердцу России: «О, как сладко, как больно сквозь слезы хоть взглянуть на родную страну».

Тяжко жилось всем им под лихими ветрами горькой чужбины, душевными страданиями была отравлена жизнь вне Родины, и слава, оvation, гонорары не меняли смысл трагической одиссеи русской эмиграции. Грех их перед русским народом был велик и незаможим. Мастер эстрады, русский певец Юрий Морфесси в минуту душевного смятения говорил: «Соколеночек, милый! Сам не знаю, почему смелодушничал, зачем уехал из России? У меня квартира в Париже, концерты даю, а покоя нет! Все не наше — речь, люди, природа. Не могу здесь творить, корней нет! Теряю аромат русской песни».

Они никогда не были духовными изменниками своего народа, в чью нравственную силу и жизнестойкость всегда свято верили, и в свои самые черные дни рады были служением русскому искусству послужить своей Родине. Их тянуло домой, но они не знали, как их встретят...

В 1934 году на экраны Риги вышел фильм «Скрипач из Абрау» («Веселые ребята») с веселой, искрометной музыкой тогда еще не знаменитого И. О. Дунаевского. «Песню Кости» я включил в репертуар и пел ее в странах Европы, а танго «Сердце» впервые напел на пластинку. Дошла она до Дунаевского, и он прислал на фирму теплое письмо, а мне в знак благодарности — ноты своего танго «Дымок от папиросы», которое стало моей своеобразной визитной карточкой. Когда мы встретились с композитором, он пошутил: «Дружественными нотами мы обменялись значительно раньше», а на мой вопрос, нравится ли мое исполнение его песен, ответил: «Клянусь богом, хорошо поешь!»

Меня подмывает спросить Константина Тарасовича о песне, но не той, изуродованной уличными «бардами», а одноименной, записанной на пластинку.

— Скажите, почему вы напели «Мурку»?

— «Мурку»? Вероятно, потому, почему Утесов пел «Гоп со смыком» и «С одесского кичмана...». У меня не было ни поэтов, ни композиторов, какие работают на сегодняшний певцов-артистов. Тех, которые бы писали специально для меня. Новых песен было мало, а публика их требовала, приходилось выкручиваться...

Мы молчим, каждый о своем. Я почему-то вспоминаю концерт А. Вертинского в Воронеже в конце 56-го, где впервые увидел, как люди плакали от песен. Такого больше не было.

— В июне 45-го, — продолжает Сокольский, — я пел в Москве для участников Парада Победы. И, конечно, «Голубые глаза». Приняли тепло — война не вытеснила танго из людских сердец.

В 82-м с Изабеллой Юрьевой — «белой цыганкой» — выступали в Ленинградском Доме искусств. Успех песен наших довоенных репертуаров превзошел все ожидания. Танго не стареет, но его потеснили более громкие, назойливые ритмы. Не надо ломать голову над стихотворными строчками: «Сколько пьес породила поэзия Тютчева? Почему «Очи черные» были живучее?» Наше родное русское искусство надо беречь! И пусть твердят, что «день другой, другие птицы, а у птиц другие песни», я уверен, молодежь, переболев шумом и быстрыми ритмами, вернется к танго. И, возможно, откроет пластинки старых новизну...

Расстаемся. На лестнице оборачиваюсь и вижу в раме двери стройный силуэт хозяина. Нежные звуки танго наполняют сердце легкой грустью, томлящей и шещающей, но обещающей что-то необыкновенно радостное, и я с трудом подавляю в себе искушение вернуться.

Как коротки встречи с юностью!

Сергей САНИН

ВОРОНЕЖ